

Приведенная заключительная формула стихотворения «О сущем» (1957—1958) знаменательна и смысловым и текстуальным («честно я **тянул**») совпадением с разбираемым нами. Сознание того, что общая жизненная ноша честно разделяется тобой с другими, отнесено здесь поэтом к числу определяющих, наиболее значимых слагаемых полноты жизни и счастья человека.

Обнаружение второго плана в стихотворении «Огромный, грузный, многоместный...» позволяет разрешить все те недоумения по его поводу, о которых говорилось вначале.

Проясняется личная основа раздумий поэта о жизни в этом стихотворении. Сопрежением первого и второго планов выявляется мера достоинства жизни и доказывается общечеловеческая применимость этой меры. Стихотворение в таком его истолковании занимает свое место в «вечнотемном» цикле, в котором оно было помещено поэтом.

Обнаруживается и особое содержание «переправного» мотива стихотворения, содержание, отвечающее значительности этого образного ряда в творчестве Твардовского. В составе развернутой метафоры поэта деталь **струна-канат** говорит о связи людей во времени, осуществляемой художником, неустанно «переправляющим» в вечный мир искусства недолговечный, неумолимо исчезающий, скоротечно бегущий день человеческой жизни. Образ переправы, единосуществуя в стихотворении в прямом и переносном своих значениях, воплощает вечно необходимое дело соединения людей (во времени и пространстве).

В целом стихотворение «Огромный, грузный, многоместный...» — о радости труда, о счастье осознать однажды, в итоге, что ты честно тянул свою нелегкую струну, свой воз в жизни.

И. И. Коган

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ВЛ. СОКОЛОВА

Есть у поэтов обычно заветные слова. Они, как ключи, открывают нам мир, выстроенный творческой мощью таланта. Иногда — это сходная группа слов, понятий, явлений, предметов.

Читая стихи Вл. Соколова, нельзя не заметить удивительно-го пристрастия к зиме. Его поэзию так и хочется назвать «зимней». Перелистайте его книги, и перед вами назойливо замелькают названия: «Мороз», «Зима», «Первый шей», «Январь», «Февраль», «Гололед», «Январский словарь», «Зимнее воспоминание о львовском кладбище», «Зимняя звезда», «Зимняя тень музыканта». А вот первые строчки незаглавленных стихотворений: «Ученический зимний рассвет...», «Эта память как стран-

ное зимнее озеро...», «Сухие, чистые морозы...», «Большой зимы строительный каркас...», «Зима. Почерневших деревьев аллен...», «Ты плачешь в зимней темени...», «Была зима белым-бела...», «Ресницы светлые сосулек...», «Вспоминается первый ледок...» и т. д., и т. п.

Особое место в «зимней» поэзии Вл. Соколова занимает образ снега. Ведь не случайно это слово присутствует даже в названиях двух сборников поэта: «Трава под снегом» (1958 г.) и «Снег в сентябре» (1968 г.). «Снежная» тематика выражена и в названиях многих стихотворений: «Снега белый карандаш обрисовывает здания...», «Снег пошел на исходе марта...», «Легко обремененный снегом...», «Белые гнезда снега...», «Мне зима залепила в окно снежком...», «Все выпадает снег и тает, тает, тает...», «Небольшой мокрый снег. Гололедница...», «На улицы ложится снег...», «На душе легко и снежно...».

Уже в самих заглавиях Вл. Соколов фиксирует разные состояния снега: «Снег в сентябре», «Снег этого года», «Первый снег», «Тихий снежок». Он как бы изучает снег, его «манеры и повадки», пытается проникнуть в суть, в тайну этого, казалось бы, обычного явления природы, «непостижимое понять», и появляются в его сборниках стихотворения с повторяющимся лаконичным названием: «Снег» (1953 г.), «Снег» (1977 г.), «Снег» (1979 г.).

Понимая, как неубедительны цифры в литературоведческом анализе, рискну все же воспользоваться количественными характеристиками: в данном случае они, кажется, достаточно показательны.

Количество стихотворений, посвященных снегу или так или иначе связанных с ним, в каждом из сборников Вл. Соколова колеблется в пределах от 11 до 36, а начиная с 1970 г., не опускается ниже 23. Интересно посмотреть на эти цифры с точки зрения повторяемости одних и тех же стихотворений в разных сборниках. И мы увидим, что наряду со старыми вещами в каждом сборнике появляются новые, написанные на эту тему.

В первом сборнике «Утро в пути» (1953 г.) таких стихотворений 11, в сб. «Трава под снегом» (1958 г.) — 16 (+ 1 старое), в сб. «На солнечной стороне» (1961 г.) — 13, в сб. «Смена дней» (1965 г.) — 6 (+ 16), в сб. «Разные годы» (1966 г.) — 3 (+ 15), в сб. «Снег в сентябре» (1968 г.) — 4 (+ 11).

Начиная со сборника «Избранное» (1970 г.), количество стихотворений о снеге резко увеличивается. В сб. «Избранное» — 10 (+ 26), в сб. «Вторая молодость» (1971 г.) — 13 (+ 22). Через шесть лет выходят сразу два сборника «Позднее утро» и «Городские стихи» (1977 г.), и в них мы встречаем 25 новых и повторенные 34 старых стихотворений. А последний сборник «Сюжет» (1980 г.) практически не включает старых стихов на эту тему, зато в нем 24 новых.

Казалось бы, поэт должен бояться столь частого обращения к одной и той же теме, к одному и тому же образу, так как это

влечет за собой повторение уже когда-то найденного и сказанного.

Но Вл. Соколов не бонется повториться, потому что снег в его стихах предстает перед нами как явление многоплановое и многокрасочное, всякий раз проявляющееся какой-то новой, доселе нам неведомой гранью.

И вся совокупность «снежных» стихов Вл. Соколова, которая представляет собой совершенно открытую систему, дает нам возможность проследить, как разнообразно и полнокровно живет в творчестве Вл. Соколова образ снега.

В русской поэзии Вл. Соколов не был первым, кто обратился к этому мотиву, к этой особенности русского пейзажа. Снег как символ России мы встречаем у многих, у А. Блока и С. Есенина прежде всего.

Вл. Соколов расширил смысловое наполнение этого образа. У него снег выступает не только как часть родины, но как метонимия чистоты, добра, нравственных ценностей.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

(«Ты говоришь, что все дела...»)

Расширительное толкование образа снега, его полифоничность привели поэта к многообразию подходов в изображении снега, потребовали и расширения изобразительной палитры.

В этом отношении творчество Вл. Соколова обладает какой-то уникальной полнотой. Поэт изучает снег, фиксирует его самые различные состояния. Наблюдениями своими он щедро делится с читателем. И у нас тоже возникает возможность воспринять снег словно всеми органами чувств.

Снег в стихах Вл. Соколова звучит. Он приносит в мир множество различных звуков, наполняя его своим голосом, звоном, пением.

«Везут, везут!» Фургон тащился.
Снег под полозьями звенел.

(«Хлеб»)

Сухие, чистые морозы.
Утоптаный, глубокий хруст.

(«Сухие, чистые морозы...»)

В глазах его хлопья рябили,
О страстностях снег напевал.

(«От лени, от бреда, от пьянки...»)

В стихах Вл. Соколова «звучит» даже снежная тишина.

Снег разбудил меня, шумя собой,
Своим мельканием и тишиной.

(«Гололед»)

Снег в творчестве поэта не только «звучащий», но и «осязаемый» образ.

А снег такой, что ни один не может,
Чтоб ворох хлопьев не собрать рукой.
И я в глазах соседей замечаю
Особое внимание к тому,
Как дворники выходят, снег встречают,
Лопатой прикасаются к нему.

(«Снег»)

Всякое прикосновение к снегу оставляет на нем следы, ведь он непрочен и хрупок. Отпечатки множества самых различных следов находим мы в стихах поэта.

Но грунта свежий аромат
Меня уводит к соснам,
Где снег податлив и примет
Машинами и солнцем.

(«Над экскаватором дрожит...»)

Но знал ли он, малый ребенок,
В заботах о собственном «я»,
Как резко от тяжких трехтонок
Ложится на снег колея.

(«От лени, от бреда, от пьянки...»)

Но, конечно, образ снега в поэзии Вл. Соколова прежде всего зрительен. Он предстает перед нами в цветах, в красках. И каких только оттенков здесь не увидишь!

Стук колес замирает...
Дым ушел в облака...
Серый снег налипает
На военный плакат.

(«Дорога»)

Шутка. Шубка. Взгляд мерцающий.
Монастырские ворота.
Синий, желтый, белый, тающий
Снег осеннего прилета.

(«Встреча»)

Обычно цвет снега возникает в каком-то контексте и создает определенную гамму красок. Иногда это сочетание двух цветов. Но чаще их оказывается несколько. Причем ни один из них не является просто фоном. Все вместе они создают цветовой образ стихотворения. И цвет снега в таком случае лишь один из компонентов этой картины.

Ничего такого. Просто
Красной кровью залита
Белоснежного погоста
Вертикальная плита.
Здесь, **белея** и **алея**,
Просто память, просто мы...
Просто **черная** аллея
В **белом** трауре зимы.

(«Зимнее воспоминание о львовском кладбище»)

Как мы видим, снег для поэзии Вл. Соколова — явление очень значительное. Этим объясняется богатство смысловых наг-

рузок образа в стихах поэта. К многостороннему изображению и толкованию этого образа Вл. Соколов шел не годы — десятилетия. Образ снега все время разрастался и по смыслу и по способу изображения.

Снег появляется уже в первом сборнике Вл. Соколова — в одиннадцати стихотворениях. Но появляется, как правило, в своем прямом предметном значении, обозначая реальную деталь — атрибут зимы, являясь знаком времени года.

Сугробы. Лед, Продутый ветром Шадринск.
Я не забыл собранья до зари.
Той школы, снегом занесенной, адрес,
Тех чисел черные календари.

(«Из стихов о комсомоле»)

Ты, может, там письмо мне пишешь.
Я жду. Пиши. Хоть в сто листов.
...Уже привозят снег на крышах
Вагоны дальних поездов.

(«Ее письмо»)

И лишь в одном стихотворении из одиннадцати снег выступает как образ многозначный. Стихотворение «Первый снег» рассказывает о первой любви. Это воспоминание об ушедшем. Здесь образ снега — это и символ первой любви, растаявшей, но не исчезнувшей из памяти. Это и первая боль, и первое потрясение, и первая радость. В образе снега воплощено ощущение яркости, удивительности и в то же время хрупкости, непрочности, недолговечности первого чувства.

И все-таки ничто не исчезает бесследно. Вместе со снегом тает внешнее, тают детали и подробности, стираются в памяти события и поступки, но остается главное — ответ радости и боли, ответ любви, память о ней.

Были беды школьные,
Детские печали.
Были танцы балльные
В физкультурном зале.
Были сборы, лагеря,
И мечты, и шалости,
Много снегом стаяло.
Много и осталось.

Все сказанное выше еще не очерчивает полностью круг значений образа снега в этом стихотворении.

«Морозный снег», который сыплется, обжигая руки и щеки герою во время его объяснения с Нею, и искорки инея в ее косях, запечатлевшиеся в его памяти, и ее холодное удивление, и ассоциации с только что увиденным спектаклем «Снежная королева» — все это сливается в сознании героя в единое целое. И вот уже снег превращается в символ холода и непонимания, в символ ледяной и недоступной красоты, а перед нами возникает живая снежная королева, сотворенная страдающим сердцем и пылким воображением юного героя.

В переулке кажется
Под пургой взметенной
Шубка горностаевой,
А берет — короной.
И бежишь ты в прошлое,
Не простясь со мною,
Королева снежная,
Сердце ледяное...

В стихотворении «Первый снег» оказались заложены ростки самых различных значений образа снега. Но пока они даны пунктиром, не развернуто, намечены лишь их контуры. Позже мы сможем проследить, как они разовьются, расширятся, раскроются во всей своей полноте и богатстве оттенков и выльются в многогранную и многоголосую систему значений этого образа.

Во втором сборнике («Трава под снегом», 1958 г.) из 16 стихотворений, в которых упоминается снег, уже в 5 снег приобретает дополнительные оттенки смысла.

В одном случае снег становится воплощением тишины, чистоты и в то же время непрочности, мимолетности, недолговечности.

Мне на долю выпал тихий вечер,
А под вечер выпал первый снег.
Тихий вечер. Белых хлопьев речи.
Чистый облик, и недолгий век.

(«Наступают в мире холода...»)

Снег становится очень важным, необычайно значимым для лирического героя, жизненно необходимым элементом его внутреннего мира.

О что мне делать с этим бедным даром —
Влюбиться в окна, синие, как небо,
В сосульки, что повисли на карнизах,
Кривые и блестящие, как сабли, —
Во все, что нам дается жизнью даром,
Но что для сердца делается хлебом —
И ветки скрип, и вечер тучек сизых,
И снега шелест, и улыбка чья-то...

(«О что мне делать с этим бедным даром...»)

С наиболее интересным смысловым наполнением образа знакомит нас в этом сборнике стихотворение «Снег» (1953 г.).

Вначале кажется, что снег здесь призван лишь создать ощущение покоя, умиротворенности.

Снежинки вкось плывут себе лениво,
А город в свете утренней поры
Так подставляет им нетерпеливо
деревья, крыши, улицы, дворы.

Но затем в памяти лирического героя возникает иной образ.

Давно ли выюгой застилались дали?
Была зима грозна и велика.
Шли дни. А с улиц снег не убирали,

И дни настанвались, как века.
...Но рукавицей твердою сдирая
Мешавший видеть, жаркий снег со щек,
Живые шли по свету, оставляя
Следы сибирских валяных сапог.
И победили. И не дни, а годы
Прошли с тех пор, как та метель мела,
И вспоминают, верно, пешеходы
Совсем иные зимы и дела.

Так снег становится символом времени, емким и многоплановым.

В следующем сборнике (1961 г.), хотя он и называется «На солнечной стороне» и зимних мотивов там меньше, чем в предыдущих, есть, однако, строки, вновь расширяющие многозначность образа снега.

Стихотворение «Беззвучно дерево шумело...», быть может, одно из самых значительных в этом сборнике, строится на столкновении двух восприятий жизни: герой стихотворения живет в мире таинственном и необычном, в мире мечты, фантазии, поэзии, «снега посредине лета». А его возлюбленная, человек рациональный и практичный, называет этот мир бреднями и, «мысленно ломая руки», уговаривает героя прийти в себя и вспомнить о том, что он «давно уж не юнец». Но «исправить» поэтическую натуру невозможно.

А я сказал тебе: стой,
Снег посредине лета выпал
И все кусты собой засынал.
Такой веселый и густой.
Летали бабочки, жуки.
Ты прибежала в белой майке,
И я играл с тобой в снежки
На теплой солнечной лужайке.

Так возникает снег посредине лета — новая сказка, которая призвана взволновать, заморозить возлюбленную героя, растопить лед ее души. Но жизнь неумолима. Сказка не в силах соперничать с холодной расчетливой действительностью.

Я говорил. А ты была
Такой, как будто бы разбила
Хрусталь. А после ты ушла
И больше к нам не приходила.
...Как необычно на земле
И жить и петь... — О чем ты это?
— Да ни о чем. О хрустале.
О снеге посредине лета.

Снег превращается в символ эмоционального, возвышенного, поэтического, человеческого начала, противостоящего мещанскому, расчетливому миру, вещному, холодному, бездушному и бездуховному, в котором высшей ценностью героине представляется хрусталь.

В сборниках 60-х годов «Смена дней» (1965 г.), «Разные годы» (1966 г.), «Избранное» (1967 г.), «Снег в сентябре» (1968 г.) новых стихов о снеге не очень много, и тем очевиднее, в каком направлении развивается образ, вбирающий в себя самые различные значения. В одних случаях, это использование же когда-то найденных аспектов или выявление их оттенков. В других — это совершенно новые и порой очень неожиданные смысловые приращения.

Снег оказывается способен вдохновлять лирического героя и даже учить его — учить творчеству, умению свежо, по-своему глядеть на мир.

Мне отныне спасения нет.
Все, что пройдено, вижу в обломках.
Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потемках.
Я пропал! Но кому объяснишь.
Что она меня вновь отстояла
Этим снегом, свисающим с крыши.
Словно съехавшее одеяло.
Спите, улицы. Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.
И не смог я дорогу найти.
Но в Училище был небывалом...

(«Ученический зимний рассвет...»)

А иногда снег — напоминание об удаче, о счастье.

В стихотворении «Речной вокзал» Вл. Соколов рисует картину пристани подо льдом.

Заиндевшие снасти,
Даль, затанувшая дух,
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.
Это ведь было до снега,
Возле воды и весла.
Льстивая тайна побега
Славою нас обошла...
...Здесь задыхались от бег
И не прощались они...
Все это было до снега,
Перебелившего дни.

На первый взгляд, ничего здесь конкретно не выявлено, кроме радости от появления снега, но в то же время все стихотворение пронизано ощущением того, что снег, «перебеливший дни», может защитить, укрыть от опасности. И повторяющиеся в конце стихотворения начальные строчки о «привалившем счастье» усиливают это впечатление.

Порой снег создает ощущение умиротворенности, неся миру гармонию. Эта мысль отчетливо звучит в стихотворении «Первый иней», одном из наиболее интересных стихотворений Вл. Соколова в 60-е годы.

Я утром вышел в этот сад.
 Он, весь заросший белым мохом.
 Просил, чтоб даже легким вздохом
 Я не нарушил тишь оград...
 ...Ни тропки нет. А я и рад
 Тому, что все, как в белой шали,
 Там, где лишь день тому назад
 Деревья черными стояли.
 Забыв про хлынувшую стужу,
 Белест сад, едва дыша,
 Как будто явлена наружу
 Деревьев чистая душа.

Стихотворение это построено по принципу антитезы. В начале перед нами картина смятения, напряжения, бури — картина полной дисгармонии. Она передается и глаголами: торчали, качались, накрывал, бросались, и прилагательными-определениями: черные (повторенное дважды), пустой, голый.

Но вот выпадает снег, и воцаряются тишина, спокойствие, гармония: вся природа «в белой шали», и «белест сад, едва дыша». И «даже легким вздохом» нельзя спугнуть эту красоту, нарушить этот покой.

Со сборника «Избранное» (1970 г.) начинается как бы новый этап в развитии образа снега в творчестве Вл. Соколова. Ему посвящается все больше и больше стихов, и теперь уже практически в каждом из них снег выступает как образ многозначный, при этом его первоначальное, прямое предметное значение отступает перед все возрастающим потоком метафор.

Теперь снег уже не примета зимы, признак холода, мороза. Теперь иное. Так происходит в сборниках «Вторая молодость» (1971 г.), «Позднее утро» (1977 г.), «Городские стихи» (1977 г.), «Сюжет» (1980 г.).

В стихотворении «Снег этого года» снег предстает как просветляющая сила.

Да, что снег... Такие горы пуха!
 Почти неразличимые для слуха!
 Но чрезвычайно видные для глаза —
 Путем сплошного, в общем, непролаза.
 Как от тебя, легчайшего, светло!

Здесь снег излучает радость, создает атмосферу праздника. Он — воплощение красоты и совершенства.

Здесь очень короткие зимы.
 Не то, что в России у нас.
 Поэтому неотразимы
 Снега, что со мною сейчас.
 Деревья стоят, как скульптуры
 В огромной живой мастерской,
 Где лепят натуру с натуры,
 А радость мешают с тоской.

(«Из софийской тетради I»)

«Какой красивый снег», — сказала ты,
На эти хлопья глядя с высоты.

(«Гололед»)

Снег несет ощущение необычности, таинственности, загадочности.

Я зашел сюда случайно,
Красоты я захотел.
Снега маленькую тайну
Увидав — оторопел.

(«Зимнее воспоминание о львовском
кладбище»)

Но главный его талант — талант творца, созидателя и художника.

Ведь можно из южного снега
Такое слепить небесам!
А он это делает сам.
Свалившийся с самого неба.
Снег лепит себя на деревьях.
Он лепит тебя и меня.
И всех, как в старинных поверьях,
Доживших до светлого дня.

(«Из софийской тетради I»)

Лети, мой снег, кружись над головой.
Долепливай, что мы не долепли.
Столбы, карнизы. Улучшая стили.
Так весело и чисто. Я с тобой.

(«Снег этого года»)

И все эти значения сливаются воедино, создавая цельный образ снега — возвышающей и очищающей силы, вдохновляющей лирического героя на создание поэтических строк.

Снег в стихах Вл. Соколова оказывается способным прояснять окружающее, обнажать скрытое.

Снег этот, полный сдержанного пыла,
Запечатлевший набело черты
Домов, надежд, деревьев, — это было
Все то, о чем умалчивала ты.

(Поэма «Улица»)

Именно об этом — о способности снега обнаруживать суть предметов и явлений — написано стихотворение «Снег» (1977 г.).

Внезапно вздумает помочь
Тому, что от безлюдья тужит,
Кому от темноты невмочь...
Вдруг выпадет и обнаружит
Все, что хотела спрятать ночь.

Скрасить человеческое одиночество, унять боль души — и такой может неожиданно оказаться миссия снега. Вл. Соколов постоянно подчеркивает его таинственность, непознанность. Ведь снег всякий раз другой, новый, доселе незнакомый. Об этом говорит поэт в начале стихотворения:

О, я еще не изучил
Его манеры и повадки.
Он не такой, он старой складки.
Его никто не приручил.
О том, что где-то вас не ждут,
Он вам нашепчет без запинки.
И будет рисовать картинки,
Какие в голову взбредут...

Вл. Соколов постоянно возвращается к мысли о необычайной важности снега для человеческой души.

Снег может служить предвестником чего-то, что должно произойти.

В стихотворении «Зимняя звезда» снег предвещает рождение звезды, или человека, или каких-то других великих перемен. Входя во внутренний мир лирического героя как энергия жизни, снег является ее воплощением.

Снег — символ мировосприятия и его красоты. Снег — предмет любви и метонимия жизни.

Что сердце! Оно по мне
Не этот клочок в обрубках —
А бабушкин дом в весне,
Где притолика в зарубках.
И девушка, как ницья,
Стоящая в отдаленье.
И снег, и его ручья
Мерцательное биенье...
(«Что сердце! Оно по мне...»)

В последнем стихотворении образ снега возникает вместе с образом сердца. Их связь необычна, но в то же время совершенно естественна для творчества Вл. Соколова. Столь живительна сила снега, что она способна питать даже человеческое сердце. Поэтому чаще всего в стихах Вл. Соколова 70-х годов снег связан с любимой. Он может быть фоном, на котором появляется Она. А может вдруг оказаться очень важным для обоих, превратясь словно бы в связующую нить между влюбленными.

Мне зима залепила в стекло снежком,
Чтобы выглянул я скорей.
Это ты позвала. Это я пешком
Шел до самых твоих дверей.
(«Мне зима залепила в стекло снежком...»)

Вот еще пример, в котором снег вновь оказывается связующим звеном между Ним и Ею, он тянется от одного к другому, как нить памяти.

Это скрип одиноких шагов в темноте,
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе на случайном листе
Оставляет нечаянный след.
(«Мне не может никто и не должен помочь...»)

Со снегом часто связано воспоминание лирического героя о прошлой любви. Редко — о счастливой, как например, в стихотворении «Андроников монастырь».

Не умерли, не умерли
Твоей любви благодаря
Те сумерки, те сумерки,
Когда шел снег, в ветвях пари
Над желтизной календаря
Андроникова монастыря...

Обычно — о несчастливой, о любви безответной.

Домой, домой, туда, где дома нет,
Где только ты, незримая почти,
Где тает снег, как тысяча примет,
И на домах, и на твоём пути.
(«Домой, домой, туда, где дома нет...»)

И здесь вновь снег — напоминание о любимой. И его недолговечность лишь подчеркивает мысль о непрочности любви. Она тает, как тает и сам снег.

Скажи: мой единственный, под фонарем,
В толпе, задохнувшись от бега,
Стоять буду в шляпке — с вуалью, с пером,
В слезах прошлогоднего снега.
(«Прошу тебя, если не можешь забыть...»)

Давай снежок из прошлого слеплю.
Метни его вон к той оконной раме..
Я говорю, что я тебя люблю,
Немыми, одиночными словами.
И недоверье, кажется, стерплю.

(Поэма «Улица»)

В стихотворении «Разлад» появление снега летом означает не просто временной сдвиг. Это вновь образ неожиданно пахлынувшего воспоминания о любви, вновь образ исчезнувшего счастья.

Особое место в поэзии Соколова занимают стихи, в которых образ снега становится воплощением нравственного, духовного начала.

Метелей белые чащобы.
Наутро новые сугробы,
Как лебеди, как журавли,
Взлетят в искрящейся пыли,
Крылами белыми шурша,
Как дружбы чистая душа.
...Софийский снег идет в Москве..
Московский снег идет в Софии.

(«Январь»)

В другом случае снег становится воплощением добра, знаком помощи одинокому человеку.

Я люблю эту землю свою,
У которой всегда на краю.
Потому что тоскую по ней
Среди множества улиц и дней,

Потому что я свой человек
Там, где в озеро падает снег,
Где колодезный кличет журавль:
Лихославль, Лихославль, Лихославль!
(«Лихославль»)

В этом стихотворении снег превращается и в символ Родины, становясь частицей, каким-то обязательным элементом родного поэту города Лихославля.

Но наиболее ярко снег как воплощение нравственности и духовности предстает перед нами в уже цитированных в начале статьи строках:

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.
(«Ты говоришь, что все дела...»)

Эта же мысль отчетливо звучит и в другом стихотворении:

Упаси меня от серебра
И от золота свыше заслуги.
И не знал и не знаю добра
Драгоценнее ливня и выюги.
(«Упаси меня от серебра...»)

Примечательно то, что такого рода смысловая нагрузка почти не появлялась у этого образа в творчестве поэта не только в ранних стихах, но и в поэзии 60-х — I-й половины 70-х годов (одно из исключений составляет стихотворение «Беззвучно дерево шумело...», цитированное выше). Снег в этом новом для Вл. Соколова значении возникает в его творчестве в сборнике «Позднее утро» (1977 г.). Последующие сборники демонстрируют нам новые примеры развития образа.

Стихи все чаще рисуют снег как высокое духовное начало, противопоставленное миру «золота, замши, мехов и хрусталя».

Поскольку снег в поэзии Вл. Соколова живет такой разнообразной жизнью, представляется интересным рассмотреть вопрос о контексте, в котором появляется этот образ, о его словесном окружении.

Первое, что бросается в глаза при анализе контекста, — «дефицит» эпитетов, характеризующих снег.

В сб. «Утро в пути» (1953 г.) в 11 стихотворениях, связанных со снегом, лишь 4 эпитета к слову «снег». В сб. «Смена дней» (1965 г.) в 22 стихотворениях — 3 эпитета, в сб. «Избранное» (1970 г.) в 10 новых стихах — 3 эпитета, в сб. «Вторая молодость» (1971 г.) в 13 новых стихах — 4 эпитета, в сб. «Городские стихи» (1977 г.) в 10 новых стихах — 3 эпитета. А в сб. «Разные годы» (1966 г.) и «Снег в сентябре» (1968 г.) их нет вовсе.

Используемые поэтом прилагательные-эпитеты употребляются чаще всего в собственном прямом значении, характеризуя наиболее типичные и ходовые признаки снега: жесткий, морозный, первый, последний, прошлогодний, февральский, южный,

небольшой, мокрый, легкий, нежный. Все эти прилагательные, применительно к слову «снег», являются общеязыковыми эпитетами, неоднократно употребляемыми в литературе, и зафиксированы в связи со словом «снег» в «Словаре эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (1979 г.).

При обращении к прилагательным с цветовым значением поэт привлекает наиболее типичные для снега цвета, также зафиксированные «Словарем эпитетов»: чаще всего — белый, реже серый, синий, голубой, желтый, рябой. Иногда в стихах Вл. Соколова встречаются индивидуально авторские эпитеты — разноцветный, задумчивый, великий, несмелый, выужнейший, маленький, изменчивый, отечный, жаркий, наивный.

Использование узкого круга эпитетов, причем в большинстве эпитетов традиционных, не случайно.

Более интересными и разнообразными являются эпитеты-причастия (а чаще — целые причастные обороты) или описательные конструкции. Особенно многочисленны они в поэмах: подсиненный сумерками, мешавший видеть, о юности поющий, наметенный, остановившийся в полете, тающий, свисающий с крыши, перебеливший дни, упавший зыбко, почерневший, запечатлевший набело черты, охраняемый законом, свалившийся с самого неба, лежащий как-то боком, мелькающий неуловимо. А вот примеры описательных конструкций, используемых для характеристики снега: снег, полный сдержанного пыла, снег почных прогулок, десятилетней давности снега. И это явление тоже не случайно.

Если попытаться однозначно определить специфику словесного окружения образа снега в поэзии Вл. Соколова, то ее можно было бы охарактеризовать словом «глагольность». Действительно, снег в его стихах окружен обилием самых различных глаголов.

Мой товарищ, сегодня ночью
На Четвертой Мещанской с крыши
Снег упал и разбился в клочья
Под надорванною афшей.

(«Артист»)

На улицы ложится снег.
Ложится и встает и снова
Куда-то за угол свой бег
Торопит... Чем еще взволнован
Холодный снег?

(«На улицы ложится снег...»)

Снег в стихах Вл. Соколова движется, действует, живет активно и энергично. Этим, видимо, объясняется «дефицит» эпитетов и обилие глаголов в его словесном окружении. Этим, видимо, объясняется и то, что среди эпитетов так много причастий. Ведь причастия — особая форма глагола, обозначающая признак по действию. Такой эпитет призван наравне с глаголом подчеркнуть действительную силу снега.

В стихах Вл. Соколова можно проследить эволюцию образа снега в сторону его постепенного «оживления». Можно даже выделить этапы превращения снега в живую, действительную силу.

I этап — сравнение. Характеристика снега дается через сопоставление его с другими предметами.

На тумбах снег. Он то как булки,
А то как свежий каравай.

(«Хлеб»)

И остались снежки висеть
На ветвях, как клубки, как сеть,

(«Новый снег»)

II этап — метафора и метонимия. В этом случае снег характеризуется через сближение с другими предметами. Иногда он заменяет собой другие предметы, становясь их знаком.

Он строгий парень, твердый человек,
Текущим вечно занят он моментом.
А у меня здесь — прошлогодний снег
И вообще наклонность к сентиментам.

(«Разговор с секретарем»)

Следующий этап — одушевление снега.

Как потом на улице:
Снег летит, робея,
Смелый от отчаянья,
Подхожу к тебе я.

(«Первый снег»)

Расположение в строфе слова «робея» заставляет читателя отнести эту характеристику и к лирическому герою, и к снегу. Таким образом, снег здесь уже наделяется человеческими чувствами, умением чувствовать и сопереживать.

А снежок, что над травой хлопочет,
Так он тает на глазах у всех,
Будто он зимы совсем не хочет,
Как не хочет трав последний снег.

(«Наступают в мире холода...»)

А затем — снег словно оживает. Оживление его наглядно показано во многих стихах.

Иду сквозь эту колоннаду,
Прислушиваясь на ходу
К улегшемуся снегопаду.
Он слушает, как я иду.

(«Легко обремененный снегом...»)

...Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задышался и бежал бегом.

(«Паровик. Гудок его глухой...»)

Мы снова станем тайной и загадкой
И для других и для самих себя...
Снег отличался лисьей повадкой,
След заматал, себя же торопя.

(«Май этого года»)

Снег лежит врасстяжку на скамье.
Поздно.
Дремлет. А на небе и земле
Звездно.
Снег бродяжинчал. Заночевал
В парке.
Под вороньи снег започивал
Вскарки.

(«Снег»)

Наконец, в стихах Вл. Соколова можно найти и такие примеры, в которых снег как бы отождествляется с лирическим героем, происходит как бы их взаимопроникновение, возникают параллели между ними.

Снег лепит себя на деревьях.
Он лепит тебя и меня.
И всех, как в старинных поверьях,
Доживших до светлого дня...
...Я тоже поэт повседневья.
Как снег, я летаю зимой.
Тебе обещал я деревья. И эти деревья — за мной.

(«Из софийской тетради I»)

В снеге материализуется часть души лирического героя, его душевное состояние и переживания. Все это превращает снег в действенную, активную силу.

Анализ словесного окружения «снега» в поэзии Вл. Соколова позволяет сделать еще несколько интересных наблюдений.

Во-первых, сам контекст эволюционирует.

Если в сборниках 50-х, 60-х годов мы довольно часто сталкиваемся с естественным для снега «зимним» контекстом (мороз, вьюга, тьма, лед, буря, метель и т. д.), то постепенно (видимо, в связи с развитием многозначности и эволюцией самого образа) подобные слова исчезают из его словесного окружения, и в сб. 70-х годов подобных примеров почти нет.

Зато параллельно с этим процессом происходит и другой: у «снега» в 70-е годы формируется новый контекст, которого не существовало прежде. Снег, играя все более важную роль в поэзии Вл. Соколова, начинает все чаще и чаще связываться в его стихах с определенными образами: сердце, дом, любовь, жизнь, душа, память, прошлое, мир, красота, гармония, добро, стихи, Родина.

Приведенный выше анализ многозначности образа снега дает объяснение этому явлению и демонстрирует его закономерность для творчества поэта.

А поскольку все эти слова определяют основной круг мотивов поэзии Вл. Соколова, мы имеем полное право утверждать, что образ снега прочными нитями связан со всем твердством поэта, составляет его сердцевину, его нравственное и эмоциональное ядро.

В ранних стихах Вл. Соколова снег часто был силой отрицательной.

Снега, снега! Военные метели!
Вы мягко стелете, да жестко спать,
Коль пальцы рук навек похолодели
И с мертвых век снежинок не согнать.
Но рукавицей твердою сдирая
Мешавший видеть, жаркий снег со щек,
Живые шли по свету, оставляя
Следы сибирских валеных сапог.

(«Снег», 1953 г.)

Связано это было с войной, с памятью о тяжелом военном детстве, о суровых зимах, холоде и разрухе. Воспоминания эти и позже возникали в поэзии Вл. Соколова как отголоски прошлого.

Скользя меж черных изб,
Чужих и теплых,
Сквозь снежный вой и визг
Заулков темных,
Два мальчика в тылу,
В безлюдной жути.
Два пятишка в дыму,
В белесой мути.

(Поэма «Шадринск»)

И снег военных лет был всегда для Вл. Соколова жестким и жестоким.

Но постепенно снег превращался во все более и более положительную силу, и в стихах 2-й половины 60—70-х годов, написанных на современную тему, мы практически не найдем признаков отрицательных характеристик снега. Исключение составляет стихотворение «Трамвай».

Может быть, если б горячим дыханьем
Холод заросшего снегом окна
Я растопил бы -- и там, за мельканьем
Света опять мне явилась она.

Здесь снег выступает как преграда, создавая препятствие на пути влюбленных.

Но это исключение -- только дань прошлому, только реминисценция. А основной результат эволюции образа снега очевиден: снег -- символ холода уступает место снегу -- символу тепла, красоты, добра, правдивости, духовности.

Огромный диапазон смысловых оттенков одного слова позволил Вл. Соколову повторяться, не становясь однообразным.

Когда-то Г. Гейне мечтал:

Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль.

Вл. Соколов сумел в одном слове слить не только печаль и боль, но и радость, больше того, — свои пристрастия и антипатии, свои идеалы и принципы.

Так раскрывается благодаря таланту и мастерству художника неисчерпаемое богатство поэтического языка.

Т. В. Журчева

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И СЦЕНИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПЬЕСЫ А. ВАМПИЛОВА «ПРОЩАНИЕ В ИЮНЕ»

Первая большая пьеса А. Вампилова «Прощание в июне» была опубликована в 1966 году в журнале «Театр» (№ 8). К этому же году относятся и первые упоминания о постановке ее на сцене. Сценическая судьба пьесы представляется вполне удачной. Уже в 1967 году (т. е. через год после публикации и первой постановки в театре драмы им. М. Ю. Лермонтова в г. Грозном) 14 театров включили эту пьесу в свой репертуар, и в течение только одного этого года она ставилась 501 раз. Потом последовал некоторый спад, и новая волна интереса к пьесе возникла в 1973—1974 годах (после трагической гибели драматурга). В 1973 году прошло более 480 спектаклей по этой пьесе в 15 театрах страны, в 1974 — 830 спектаклей в 31 театре. В столичные театры пьеса пришла в начале 70-х годов, но в периферийных широко ставилась уже с самого момента своего появления в печати. Отношение к «Прощанию в июне» театральной и литературной критики всегда было вполне доброжелательным и в то же время как бы снисходительным. Оно стало, может быть, более серьезным в середине 70-х годов, когда определилось, что это не просто комедия — еще одна в ряду так называемых «студенческих» или «молодежных» лирических комедий с нравственными проблемами и счастливым концом. В 70-е годы, особенно в 1975, когда вышел первый сборник пьес А. Вампилова, впервые представивший на суд читателей и критики все творчество драматурга в целом, «Прощание в июне» стало восприниматься как начало нового направления в современной драматургии. Конфликт и характеры «Прощания...» стали оцениваться не сами по себе, а на фоне последующих пьес Вампилова. Образ главного героя Колесова был соотнесен с образами Бусыгина («Старший сын»), Зилова («Утиная охота»), Шаманова («Прошлым летом в Чулымске»), была установлена типологическая связь между всеми этими характерами, и «Прощание в июне» заняло свое место в драматургической системе Вампилова, однако оттенок снисходительности по отношению к этой пьесе остался. Указание на «молодежность» пьесы звучит как свое-